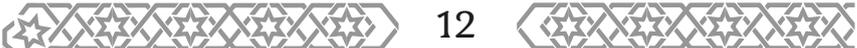

МАЛЬЧИК И ЗВЕЗДА

Он был первым — веснушчатый мальчишка со светлыми, в рыжину, вихрами и любопытным карим взглядом. Тощий, долговязый, одетый в перепоясанную кожаной тесёмкой рубашку и штаны до колен. Босой и весь засыпанный песком. Голова его покоилась на коленях у Белой женщины, которая была второй. И он метался, потому что видел дурной сон, если только можно назвать дурным сном правду. Мальчишка видел, как задыхается город, чьей душой он рождён, — Город-на-Холмах. Прежде у него было другое, красивое имя, но из памяти оно стёрлось; было и иное тело, но оно не выдержало. Мальчишка не знал, почему всё произошло, и уже очень долго смотрел на это, силясь или понять, или ослепнуть.

Беда началась с резных листьев пальм, которые неуловимо затрепетали в заурядный душный полдень. Тогда всем показалось, что сейчас в город принесёт немного ветерка из Ширгу, Грозового графства, а может, оно расщедрится и на дождь. Небо как раз хмурилось, теряя привычную серебристую лазурь, и Невидимое светило едва сияло. Тучи сгущались. Они стали совсем плотными и рыхлыми к обеденному времени.

Да, да, будет дождь, сегодня будет дождь!

Так сказали даже по городской радиостанции, которая никогда не ошибалась.

Тогда женщины стали убирать с балконов зонтики, которыми укрывали от зноя клубнику, мяту и цветы, а дети — складывать из листов учебников лодки, чтобы, когда дождь пройдёт, пустить в ручейки — вдруг доплывут до моря? Почтенные клерки в конторах и торговцы в лавках повынимали из служебных гардеробов сапоги, желая добраться домой с сухими ногами. А старушки достали из дальних шкафов корзины с пряжей и попросили внуков передвинуть кресла-качалки к окнам.

Все ждали дождя. Но вместо дождя пришла песчаная буря.

Под мрачным почерневшим небом она вдруг, после похожей на молнию вспышки, обрушилась со всех сторон разом, преодолела городские стены и начала грузной лавиной переваливать через них своё богатство. Песок сыпался на мостовые, где должны были быть лужи для клерков, в прокопанные

и утрамбованные каналы вдоль улиц, где обычно пускали кораблики дети, на цветочно-клубнично-мятные балконы хозяек и в дымоходы домов, где собирались вязать старушки. Песок был повсюду. Он не кончался.

Последнее, что успели передать с радиобашни, прежде чем самум сломал её антенный шпиль, было: «Все города Песчаной долины уже засыпаны полностью, их радиостанции молчат». Слова эти — «радиостанции молчат» — и стали тем, после чего люди бросили откапывать свои заваленные двери. Большинство просто сели по диванам, обнявшись и зажмурившись. Иные же, найдя крючья покрепче, привязали туда верёвки и забрались на стулья. Потому что радиостанции Песчаной долины, где смыкались Пять графств, имевших своей серединой Городна-Холмах, никогда не молчали, даже ночью изливая в небо музыку или таинственное бормотание читаемых вслух книг. Никогда не молчали.

Ещё по радио успели передать, что песок, как казалось учёным (пока они ещё были живы, им вроде бы так казалось), идёт с краёв Долины, накрывая её, как огромная крышка могла бы накрыть кастрюлю, — поднимается из-под фундамента Обережной стены. Ведь вся долина стояла когда-то именно на песке, и от него она оставила себе имя, засадив бесплодную землю садами и испещрив колодцами. Теперь песок возвращался.

Городна-Холмах стал последним из заживо похороненных, и его не спас тот, кто спасал всегда.

Не откликнулся, хотя золотые ракеты пустили, уже когда упали первые песчинки. Ракеты сверкали, взрывались, кричали десятком голосов. Но тот, кого ждали, не явился.

Когда всё закончилось, всё-таки пошёл дождь — самый настоящий ливень, на который тут и не надеялись. Потоки его точно донесли бы кораблики до моря, а старушки за время этой непогоды связали бы целые шарфы, а то и свитера. Но дождя уже некому было ждать, некому было встречать его и радоваться или досадовать. Город исчез. А мальчишка — его ослабшая, едва живая душа — шёл по размокшему песку, оставляя цепочку неглубоких следов. Кричал и звал:

«Кто-нибудь! Хотя кто-нибудь!»

Потом охрип, закашлялся, замолчал. Понуро брёл, глядя под ноги, ещё какое-то время и наконец упал навзничь, задохнулся от слёз. Дождь лил, песок становился всё плотнее, одежда мокла, но мальчик не замечал холода. Дышалось всё хуже, по костям словно бежали трещины, в груди догорало что-то, прежде золотое, ослепительное и полное силы, а теперь готовое погаснуть. Память становилась зыбкой, мутнее грязной воды.

«Где я? Кто я? Почему я больше... не хочу жить?»

В последнюю минуту перед беспмятством мальчишка увидел впереди смутную фигуру. Человек был высоким, в руке у него что-то знакомо светилось. Тоже золотое. Ослепительное. Полное силы.

«Он. Он явился! Он всё исправит...»

Окликнуть не вышло: мальчишка только вытянул руку и так рухнул снова; в рот попал песок, заскрипел на зубах, а мутная вода памяти заволновалась: «...исправит что?»

Больше мальчишка не поднимался и только смотрел, как человек растворяется в дожде. Последним исчез росчерк чего-то, что человек держал. Какого-то жезла, посоха.

«Сжался надо мной...»

Мальчишка прошептал это пустыне, и она услышала — ведь своих детей она слышала всегда.

Я слышал.

Песок снова пришёл в слабое движение. Дрогнул. Разверзся. Медленно поглотил тело, уже бездыханное, и поверхность стала ровной. Об неё всё так же гулко ударялись капли дождя.

...А теперь, когда мальчишка снова посмотрел на всё это в своём затянувшемся сне, выступившие на глазах горячие слёзы заставили его наконец проснуться.

Нет. Воскреснуть. Компас и сама моя суть показали это именно так.

— Как ты, малыш? Ох... ну и вид у тебя. Выглядишь, будто пару раз умер.

Он очнулся не один — над ним склонялась молодая белокурая женщина. Волосы, длинные и прямые,

схваченные в несколько кос и украшенные где лентами, где звонкими серебристыми подвесками, окутывали её подобием сияния. Смуглое, почти медное большеглазое лицо покрывал серебристый рисунок: треугольники по открытому лбу, линии вдоль плавных скул. Рисунок шёл и по тонкой шее, чтобы пропасть под воротом свободного дымчатого одеяния — плаща, накинутого поверх блестящей кольчуги и светлого платья.

Красивая. Чужая. Он не помнил ничего, но чувствовал: её в его жизни прежде не было.

— Так ты мертвец, бедняга, да? — шепнула она, заботливо погладив его по макушке. — Ведь тебя исторгли пески, и прямо мне под ноги, представляешь? — Губы дрогнули в улыбке сначала детского восторга — будто незнакомка пережила невероятное приключение, — а потом облегчения. — Но я тебя уже совсем-совсем выкопала! Сесть-то можешь? Ничего не сломал? Давай, давай помогу.

Ладонь её была ледяной, но прикосновения оказались приятными, согнали дурман и морок. Мальчик кивнул и, уцепившись за её неожиданно сильные руки, приподнялся. В голове тут же зашумело, он пошатнулся, и с губ само сорвалось:

— Ох как мне плохо...

Первые слова за... сколько? И сразу жалоба. Стало отчего-то неловко. Но молодая женщина лишь понимающе приобняла его.

— Думаю, непростое это дело — возвращаться с Той Стороны.

Объятие тоже было холодным, но мальчик безотчётно прильнул к крепкому плечу, даже ненадолго зажмурился. Было страшно, к тому же объятие что-то напоминало ему... но что? Мысли ворочались неохотно, точно старые черепахи на берегу затхлого водоёма. Черепахи... в памяти тревожно запульсировало: здесь, где-то здесь, на месте уродливого красного песка, такой водоём был, и толстолапые рептилии любили греться на его каменных бортиках, и лазуритово-малахитовые панцири их сверкали, и...

— Как тебя зовут и сколько ты был там, внизу? — Незнакомка отстранила его и пристально посмотрела в лицо серыми светлыми глазами.

Взрослая она или не совсем? Могла, судя по болтливости и любопытству, быть чуть постарше юных городских модниц, но могла быть и их мамой — слишком пронизывал мерцающий взгляд, утешал мягкий голос. А ещё она спросила имя... мальчик попытался вспомнить, но внутри всё опять закололо. Он потёр лоб, потом виски. Щёки оказались мокрыми. Городские модницы... городские... городские...

— Ты ещё плакал! — Она воскликнула это не осуждающе, скорее испуганно. — Скажи, кто обидел тебя? И что, он потом тебя закопал? Ух я тогда ему...

Сжала кулак, сверкнула глазами. Мальчик не знал о ней ничего, кроме одного: она добрая. И храбрая,

даже лицо как у воина: с тонким, но крупным ртом, густыми бровями, острым любопытным носом. Вот только ничем она уже не поможет. И никто. Память, затхлая вода, дрогнула, все тени и силуэты — черепах и красивых девиц, старушек и стражи, мэра и дикторов радиобашни — начали там проступать, чётче и чётче.

И все они тоже плакали.

— Я не знаю, как меня зовут, Белая женщина, — нарушил он требовательную тишину. — И не знаю много другого, не сердись. Но я...

Он запнулся, облизнул губы, опять смежил веки, вслушиваясь в себя. Сказать, нет, вытолкнуть из себя правду оказалось нелегко. Обычно люди не понимали; более того, кажется, он давненько никому не представлялся. А представлялся ли вообще? С кем, когда в последний раз говорил, от кого не таился в тених и гулком эхе улиц? Что делал? Как выглядел? Таким же сухим маленьким трупом?

— Я город, Белая женщина, — выдохнул он наконец. — И я мёртв. Или убит. Ты права.

Взгляды их встретились. В её лице ничего не дрогнуло, она только прикусила уголок нижней губы. Мальчик взял её за руку и прижал холодную ладонь к песку.

— Слышишь?.. Так бьётся моё сердце. Там бьётся моё сердце.

Женщина зажмурилась — и пальцы её напряглись под его пальцами, задрожали. Вряд ли она могла не слышать тысяч стонов, а ещё поскрипываний,

с которыми песчинки пересыпаются в тех пустотах зданий, где не заполнили ещё всё. Мертвец ворочался в могиле, а в нутре его ворочались десятки тысяч других мертвецов — детей и клерков, старушек и домохозяек, учёных, сыщиков и лавочников. Да, женщина поняла всё это и убрала руку, открыла глаза, потом с усилием заговорила:

— Я... верю. Как же страшно.

Он не ответил. Его и самого страх душил, продолжал высушивать изнутри, призрачное сердце билось в висках одним-единственным вопросом: «И что теперь?» Хуже были только дурнота и слабость, горькая мысль: «Даже если я перестану бояться... смогу ли я встать?» И эта женщина... девчонка... неважно... как она сюда попала, зачем его выкопала?

— Знаешь, — снова незнакомка нарушила молчание. Видимо, всё это время она тоже что-то для себя решала, — тогда и тебе, наверное, не помешает знать обо мне правду, малыш. — Она словно приготовилась нырять, так глубоко и шумно вздохнула. — Меня зовут Кара. Я — упавшая звезда.

Теперь растерялся мальчик, уставился во все глаза. Так перед ним одна из загадочного небесного народа — статная красавица, словно сошедшая со страниц преданий? А ведь похожа! И как он сам не понял, всматриваясь в рисунок на коже и видя, как ветер треплет лучистые волосы? Но, словно боясь, что ей не поверят, Кара подобралась и, враз сбросив неземное величие, опять затараторила:

— Не помню, почему так произошло, что я здесь! Просто взяла и упала, а упав — заснула и, может, очень долго проспала, по крайней мере, когда очнулась, была уже холодная, а нам, чтоб остыть, надо много времени! — Глаза её округлились. Мальчик уверился, что звезда всё же юна, скорее девушка, чем женщина. И что ей не на шутку страшно. — И вот я пошла искать хоть одно живое существо. Хорошо, что нашла тебя, пусть ты и немного мёртвый, но, кажется, неплохой парень! Так сколько ты... пролежал там?

Мальчик огляделся. Небо было ясным, Невидимое светило не жалело тепла. Песок казался очень сухим, совсем как утром последнего для Города-на-Холмах дня. И... да, то, что они с Карой только что слушали, стеноло в самых его недрах. Глубоко. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась ровная, даже без барханов, поверхность; не было ни самого чахлого кустарника, ни скелетов заблудившихся зверей; не было башен учёных и крепостных стен; не было водоёмов с черепахами. Да... места, некогда полные жизни, Пять графств, где праздник, закончившись в одном, начинался в следующем, сменила настоящая пустыня.

— Думаю, очень долго. Примерно как ты спала. — Он снова приложил ладонь к песку и прислушался. Спыхватился: — Сколько ты тут бродишь?

Звезда задумчиво вытянула ноги. Они были босыми и запылёнными, а кожа на них — совсем грубой, потемневшей, словно опалённой. Она сильно отличалась

от нежного золотисто-смуглого лица. Пошевелив чуждыми пальцами, Кара ответила:

— Сапоги я стоптала очень, очень давно. И мне никогда никто не попадался. Разве что песчаные крысы... у меня, кстати, осталась одна зажаренная с завтрака. Хочешь?

Она предлагала явно искренне. Неожиданно для себя мальчик улыбнулся и сморщил нос, затем ещё раз медленно обвёл взглядом пространство вокруг, стараясь уцепиться за привычные ориентиры. Кажется, их совсем не было... но нет. Один нашёлся.

— Как-нибудь обойдусь, — рассеянно отказался он. — И думаю, мы подыщем что-нибудь получше.

Кара, рывшаяся в сумке, видно, в поисках крысы, вздрогнула и тоже огляделась.

— Ты хочешь уйти?! — прозвучало испуганно. — Но я не... не...

Мальчик лишь вздохнул. Он тоже не уходил отсюда никогда: не было ни возможности, ни причин, ведь этот город был им, а он был этим городом, и без него рухнули бы все великие башни. Едины. Неразрывны. Навсегда. Так было раньше. Теперь...

— Нельзя оставаться, — вздохнул он. — Так мы ничего не исправим. Да и одной крысы на двоих вряд ли хватит.

— Но здесь... — звезда потрогала песок сама и, конечно же, ничего не услышала, — бьётся твоё сердце. Точно ли ты можешь его оставить?

Мальчик улыбнулся снова:

— Думаю, оно и так всегда со мной. Я должен его спасти. Больше никому.

Откуда-то он это знал. Точно знал.

— Ух... — пробормотала звезда. Облизнула губы, потербила волосы. — Так, ладно, но... как мы хоть поймём, куда двигаться?

Мальчик снова посмотрел вдаль. Да, он не ходил за высокие резные стены, зато часто коротал время на золотистой крыше радиобашни — делаясь невидимым для людей, забирался на её шпиль, к самой верхушке. Оттуда были далеко видны не только дома, но и поросшие приземистым зелёным кустарником рощи, реки, поля; можно было смотреть на пять сторон света и на ведущие туда главные железные дороги Пяти графств. Он хорошо помнил, что путь на Ширгу, Грозное графство, всегда оттенён закручивающимися в спираль кучевыми облаками. Это графство у Горького моря продавало и дарило дожди; караваны разномастных туч бежали отсюда в разные концы мира. В незапамятные времена, пока не угас род Ветряных чародеев, именно они подгоняли тучи серебристыми молниевидными посохами. Во времена более ближние сила рассеялась, но часть её перешла к Чародеям песка — и уже они стали направлять тучи, если те сбивались с пути, и поторапливать их в земли, страдавшие от зноя и засухи. Ну а теперь...

Теперь нет и этих чародеев. Тучи давно не прилетают в Пустыню Мёртвых городов, где нечего стало поливать, и их не так хорошо видно. Но, сидя на песке,

мальчик ясно рассмотрел сине-серые, будто подпалённые спинки и хвостики вдалеке над горизонтом. Они поднимались очень высоко. Они напоминали не пасущихся буйволов, как раньше, а грязных больных овечек, но он им обрадовался и показал их Каре.

— Они подскажут.

Звезда сощурилась: прикинула расстояние. И, наверное, подумала: «Ну куда дойдёт такое вот тощее недоразумение, которое отказалось есть крысу?» Мальчик потупил глаза на свои колени: правда ведь кожа да кости. Руки-ветки, штаны висят.

— Ты уверен, что куда-то дойдёшь? — прямо спросили его.

Сердце его не было храбрым, но билось сильно-сильно. Нужно хотя бы попытаться. Нужно, иначе, скорее всего, он ведь умрёт здесь. Без своих домов и людей.

— Даже если не уверен, — отозвался он, вставая. — Я должен. А вот ты...

— Не останусь, нет, нет, я не хочу! — выпалила она. Вся её опасливость исчезла. Может, она просто решила, что без неё горе-приятель-вчерашний-покойник пропадёт, а может, подумала, что не прочь посмотреть странный мир, куда угодила. — Веди.

И те, кого было пока ещё двое, пустились в путь.

